

А.В. Дружинин

Собрание сочинений

Том 8

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.В. Дружинин**
Собрание сочинений: Том 8 / А.В. Дружинин – М.: Книга по Требованию,
2023. – 782 с.

ISBN 978-5-518-08641-8

ISBN 978-5-518-08641-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

зошла шумная революція. «Отечественныя Записки» съ 1840 года, когда въ нихъ окончательно утвердился Бѣлинскій, пользовались

и дамы его сердца», «Дѣсь или Сель-Клерское аббатство» и «Одинъ изъ тридцати». Прекрасно владѣя англійскимъ языкомъ и неутомимо занимався исторіею англійской литературы, Дружининъ въ статьяхъ своихъ обозрѣлъ почти весь повѣйшій романъ со времени рыцарства и, переходя потомъ къ эпохѣ приторно-паксываго тона, довелъ свое обозрѣніе вплоть до времени политической реакціи этому болѣзненному направленію въ лицѣ Бальзака. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ статей по исторіи англійской литературы: «Джонсонъ и Босвелъ», «Жизнь и произведенія Шеридана», «Георгъ Краббъ», «Вальтеръ-Скоттъ и его современники», и проч. и проч. Считаю излишнимъ дальнѣйшее исчисленіе статей Дружинина, такъ-какъ въ приложеніи ко 2-му тому предлагаемаго изданія помѣщено полный списокъ всѣхъ его сочиненій. Скажу только, что капитальными его трудами по переводной литературѣ останутся его превосходными переложеніи четырехъ трагедій Шекспира: «Король Лиръ», «Коріолянъ», «Ричардъ III» и «Король Джонъ».

Дружининъ скончался 19 го января 1864 года, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни. На выносъ тѣла его, бывшаго 24-го января, собралась много изъ друзей покойнаго, между прочими: И. С. Тургеневъ, Н. А. Некрасовъ, П. В. Анненковъ, А. А. Фетъ, В. П. Боткинъ, В. И. Гаевскій, А. Д. Галаховъ, Н. В. Гербель и другіе. Погребеніе совершено на Смоленскомъ кладбищѣ, откуда провожавшіе Дружинина возвратились въ бывшую квартиру его, и на завтракъ А. А. Фетъ произнесъ, въ память покойнаго, слѣдующее задушевное стихотвореніе:

Умолкъ твой голосъ на-всегда
И сердце жаркое остыло;
Лампаду честнаго труда
Дыханье смерти потасило.
На мяръ усопшзго лица
Кладу послѣднее лобзанье;
Не измѣнили до конца
Тебѣ на дружба, на призванье.
Изнемогающій, больной,
Души ты не утратилъ силу,
И жизни мутною волной
Ты чистымъ донесешь — въ могилу.
Сня! вѣчность правды истеаетъ,
Вокругъ стихаетъ гулъ суровый —
И муза строгая кладетъ
Тебѣ на гробъ вѣнецъ лавровый.

Ровно черезъ дѣтъ недѣля послѣ смерти Дружинина, именно 2-го февраля, было годовичное собраніе «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ». Тогдашній председатель общества, Е. П. Ковалевскій, при открытіи засѣданія, почтилъ память Дружинина, какъ основателя фонда и ревностнаго его члена и тѣчевіи пѣсколькихъ лѣтъ, вплоть до болѣзни, сведшей его въ могилу, краткою но задушевною рѣчью.

Ред.

привилегією группировать около себя почти все, что существовало даровитаго и честнаго въ литературномъ мірѣ. Исключеніе составляли еще «Москвитининъ», гдѣ печатались, впрочемъ, кромѣ матеріаловъ и документовъ, лишь немногія живыя статьи славянофильскаго направленія, и «Современникъ» Плетнева, чуждый полемикъ и вопросовъ, вызывавшихъ тогдашнія пренія. Оба журнала эти имѣли мало читателей, тогда какъ «Отечественныя Записки» пользовались все бѣльшимъ и бѣльшимъ успѣхомъ.

Въ 1846 году Бѣлинскій задумалъ отдѣлится отъ «Отечественныхъ Записокъ», обязанныхъ ему и сотрудничествомъ лучшихъ писателей молодого поколѣнія, и тѣмъ единствомъ направленія, которое критикъ успѣлъ придать изданію, и статьями, которыя имѣли давно неслыханное въ журналистикѣ вліяніе на публику. Въ это время покойный Панаевъ приобрѣлъ право на изданіе, съ 1 января 1847 года, «Современника»; товарищемъ его сдѣлался Н. А. Некрасовъ, а редакторство поручено было А. В. Никитенкѣ. Въ зтотъ-то обновившійся журналъ перенесъ Бѣлинскій своихъ пенатовъ, и въ то же время вся первая шеренга сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» послѣдовала его примѣру. Объявленіе объ этомъ событіи отозвалось громкимъ литературнымъ скандаломъ. Въ то время еще не было въ привычкахъ публиковать, какъ нынѣ, что такіе-то господа, бывшіе сотрудники журнала, изгнаны за наушничество, сплетни, подлости, мерзости и памфлетное обокрасть его кассу, или что бывшіе сотрудники обвиняютъ редакторовъ въ мошенничествѣ, предательствѣ и тому подобное. И такъ, объявленіе о перерожденіи «Современника», при участіи вкладчиковъ въ «Отечественныя Записки», съ присовокупленіемъ къ тому нѣкоторыхъ весьма любопытныхъ объясненій, могло назваться истиннымъ скандаломъ. «Отечественныя Записки» остались при дѣтеляхъ второстепенныхъ и при новобранцахъ, сохраняя чрезъ послѣднихъ лишь самую слабую связь съ участниками въ новомъ «Современникѣ». Нѣкоторые изъ послѣднихъ только изрѣдка помѣщали, будто нехотя, что либо изъ произведеній своихъ на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», дѣлая это какъ бы по старой памяти къ журналу, долго бывшему ихъ единственнымъ ор-

гавомъ. Сила перешла на сторону «Современника»; къ нему проявилось естественное тяготѣніе новыхъ талантовъ и въ пемь дебутировалъ Дружининъ съ своимъ «Полянкой Саксъ», въ декабрѣ 1847 года.

Извѣстно, что съ давняго времени цензура книгъ и журналовъ всегда отличалась у насъ отсутствіемъ какой бы то ни было мягкости. Но какъ и во всякомъ учрежденіи, основанномъ на чистомъ производѣ и котораго дѣятельность обуславливается случайными личными возрѣніями или качествами, а черѣдко и мелочными обстоятельствами, на цензуру находили по временамъ припадки усиленной строгости, а иногда періоды относительнаго и невѣрнаго «штѣля». Сороковые годѣ могутъ быть отнесены къ послѣднимъ. Этому способствовали разныя причины, изъ которыхъ главныя были: назначеніе нѣсколькихъ самостоятельныхъ по характеру и просвѣщенныхъ цензоровъ и въ особенності мастерство Бѣлянскаго писать такъ, что въ статьяхъ его высказывалось очень много такого, чего бы и духу не потерпѣли, если бы оно съ виду представляло хотя какіе нибудь поводы къ цензурнымъ прицѣпкамъ. Искусство это череняли и нѣкоторые другіе писатели; иногда же направленіе свое проводили они въ невинной формѣ повѣстей и т. п. Дѣло обдѣлалось какъ всегда: публика привыкла читать между строками такъ же легко, какъ по писанному. Аргусы, власть имѣющіе, ничего не понимали и, занятые другимъ, только смутно чували, что литература все-таки «опасная штука», что за пей нужны глаза да глаза, но вмѣстѣ съ тѣмъ они думали, что, впрочемъ, не происходитъ въ ней ничего особеннаго, сравнительно съ тѣмъ, что всегда бывало, а такъ-какъ совѣтъ запретить ее, къ несчастію, не приходится, то дѣло идетъ себѣ по возможности благополучно и безпиконтъся нечего. Литературные соглядатаи, увлеченные древнимъ своимъ усердіемъ и еще болѣе злобой на успѣхи противниковъ и на упадокъ собственнаго кредита въ публикѣ, громоздили въ тишинѣ грозныя допросы на «Отечественныя Записки» и «Современникъ». Они ожидали лишь удобной минуты «предъявить оныя» и погубить горько насмѣхавшихся надъ ними противниковъ, негодую на ослабле-

ніе, которое иѣшастъ разразиться надъ врагами громомъ неизбѣжной кары. Исторію эту когда-нибудь узнаеть Россія подробно...

Громы эти грянули надъ литературой и просвѣщеніемъ въ концѣ февраля 1848 года. Мрачная година, тогда наступившая, принесла теиерь своп горькіе и безобразные плоды, тлетворная зрѣлость которыхъ оказалась слишкомъ десять лѣтъ спустя и, какъ и слѣдовало ожидать, представила результаты именно противоположные тогдашнимъ намѣреніямъ, для осуществленія которыхъ приняты были прямо противорѣчащія имъ мѣры. Здѣсь не мѣсто описывать это плачевное время. Скажу только, что литературѣ и наукѣ были нанесены жестокіе удары, и что всѣ, занимавшіеся ею, надолго были лишены возможности дѣйствовать какъ слѣдуетъ и заподозрѣны, какъ люди опасные. Журналистика, главный представитель которой, Бѣлинскій, умеръ вскорѣ (въ маѣ 1848 года), сдѣлалась дѣломъ и опаснымъ, и въ высшей степени затруднительнымъ. Нужно было на срокъ придумывать о чемъ бы писать, потому-что грозное «вето» лежало на всемъ, что составляетъ обыкновенную пищу журналовъ. Надо было пзвѣшивать каждое слово, говоря даже о травосѣяніи или коннозаводствѣ, потому-что во всемъ предполагались личность или тайная цѣль. Слово «прогрессъ» было строго запрещено, а «вольный духъ» признанъ за преступленіе, даже на кухвѣ. Уныніе овладѣло всею пишущею братьею, а келейные авторы обвинятельныхъ мемуаровъ на журналы торжествовали.

Въ такихъ обстоятельствахъ Дружининъ, застигнутый бурей при самомъ началѣ своего литературнаго поприща, оказался драгоценѣйшимъ сотрудникомъ «Современника». Въ пемъ неожиданно для всѣхъ проявились неисчерпаемыя средства къ тому, чтобы поддерживать интересъ журнала. Стоить заглянуть въ библиографическую роспись его сочиненій во 2 томѣ настоящаго изданія, чтобы понять какъ оригинальны, разнообразны, многочисленны и удачны были повые, такъ сказать, отдѣлы, открытые имъ для замѣны въ журналѣ прежнихъ статей, сдѣлавшихся невозможными.

Не всѣ обладали такими средствами создавать себѣ литературныя занятія, какъ Дружининъ; многіе ударились въ разныя стороны;

ныя предприняли многолѣтніе труды, въ надеждѣ на благопріятнѣйшія обстоятельства ко времени ихъ окончанія въ дальнемъ будущемъ; другіе продолжали прежнюю дѣятельность, но въ меньшихъ по цеволѣ размѣрахъ. Въ результатѣ при этомъ оказалось у нихъ явившее противъ прежняго свободное время и, по привычкѣ къ литературному кругу, они стали чаще проводить его въ дружескихъ бесѣдахъ, посвященныхъ по преимуществу любимымъ своимъ предметамъ. Прибавьте къ тому, что мы всѣ были тогда молоды или еще молоды, и вы не удивитесь, что мрачное настоящее не могло вытѣснить изъ этихъ бесѣдъ шутки и веселія, которое и стало выражаться все-таки въ литературной формѣ, именно стихотворной. Пародіи (тогда еще не сдѣлавшіяся обыкновенною вещью, какъ теперь), посланія, поэмы и всевозможныя литературныя шалости составили наконецъ въ нашемъ кругу цѣлую рукописную литературу. При самомъ началѣ Дружинины приняли живое участіе въ этихъ забавахъ, сопровождавшихся уморительными рассказами, анекдотами и даже пресмѣшными похождениями, въ которыхъ такъ отличался нашъ остроумный другъ Яз...ковъ, веселый и даровитый Папаевъ и многіе другіе. Нѣсколько чопорный съ виду Дружининъ оказался первымъ двигателемъ на этой аренѣ остроумія и рѣзвой шутки, изливая въ нее весь избытокъ молодыхъ, умственныхъ силъ. При отсутствіи нѣкоторыхъ другихъ литературныхъ занятій, намъ пришлось въ голову облекать всѣ наши импровизаціи въ литературную форму и дать имъ въ такомъ видѣ мѣсто въ журналѣ. Я помню, что кто-то предложилъ связывать всѣ наши «imbroglio» пятью длиннаго романа, на манеръ «Mémoires du diable» или «Confession generale» Фредерика Сулье. Рамой для этого должны были служить похождения праздныхъ чудаковъ, ходящихъ по Петербургу покупать вещи, отыскивать попутчиковъ и гувернантокъ и т. д. по объявленіямъ полицейской газеты и безирерывно натыкающихся на эксцентрическія и забавныя сцены. Весь этотъ цикалъ стиховъ, рассказовъ и походовіи получалъ отъ Дружинина названіе «Чернокнижія». Но всему этому суждено было еще довольно долго существовать лишь «für Wenige».

Лѣтомъ 1850 года я ѣздилъ въ Сибирскую и Саратовскую губерніи и, условившись съ Панаевымъ, также бывшимъ въ довольно продолжительной отлучкѣ изъ Петербурга, съѣхался съ нимъ въ Москву. Мы сейчасъ отправились въ Англійскій клубъ, пошелъ въ газетную и взялись за вышедшій безъ насъ № 7 «Современника», о содержаніи котораго не имѣли понятія. Взглянувши на оглавленіе, мы не безъ удивленія увидѣли въ немъ: «Самыяшестальное путешествіе Ивана Чернокижжикова по Петербургскимъ дачамъ. I. Мѣсяць Іюнь». Тутъ припомнили мы, что передъ нашимъ отъѣздомъ Дружининъ предлагалъ намъ и нѣкоторымъ другимъ, сочинять сообща что-то подобное. Мы стали пробѣгать статью и, признаюсь, пришли въ нѣкоторое и даже не малое смущеніе. Новость подобнаго явленія была слишкомъ неожиданна; мы нашли шутку переходящую границы и «beau coup (горстѣе)», какъ говорятъ французы, опасаясь притомъ повода къ придиркамъ со стороны другихъ журналовъ. Скоро мы отправились въ Петербургъ, по время все-таки затянулось (тогда еще не было желѣзной дороги) и мы нашли № 8 «Современника» уже отпечатаннымъ, а въ немъ и вторую часть «Чернокижжикова». Оба мы, не смотря на наше расположеніе къ веселымъ шуткамъ, энергически запротестовали противъ печатанія такого рода статей. Огромные корректурные листы третьей части «Чернокижжикова» для № 9 были уже принесены, но выходъ ее въ свѣтъ былъ остановленъ. Помню, какъ я хотѣлъ надъ заключавшемся въ ней разсказомъ о наказаніи, постигшемъ будто бы въ Парголовѣ одного литературнаго Поздрева-соглядатая, за его зваствовство (дѣйствительно бывшее) мерзѣйшими сигарами, яко бы полученнымъ имъ въ подарокъ отъ президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ Польшка. Какъ бы то ни было, «Чернокижжиковъ» тогда прекратился. Векорѣ прѣхавшій изъ Москвы К., съ уморительными своими интонаціями упрекалъ насъ за то, что мы погубили будущность Буйноппдова, сдѣлавшагося (во 2 части «Чернокижжикова») мизантропомъ и отшельникомъ, въ слѣдствіе коварства своего друга, который заставлялъ его купаться въ бассейнѣ фонтана и вдругъ привелъ туда пзмѣнически цѣлое общество дамъ. К. съ комическимъ отчаяніемъ увѣрялъ, что

иногда просыпается по почамъ и не можетъ уснуть, спрашивая себя: «что сдѣлалось потомъ съ Буиновидовымъ?»

Справедливость требуетъ сказать, что первые три главы «Чернокнижника» писаны Дружининымъ (особенно стихи) при дѣятельномъ сотрудничествѣ Н. А. Некрасова и младшаго изъ членовъ вашего кружка, покойнаго В. А. Милютина, бывшаго потомъ профессоромъ Петербургскаго университета и кончившаго жизнь въ Эмсъ, въ июль 1855 года. Главы эти писались въ Парголово, гдѣ Н. Некрасовъ проводилъ лѣто, а Дружининъ и Милютинъ у него черѣдко гостили. Тутъ же помѣщены рассказы и шутки разныхъ другихъ лицъ, но невозможно опредѣлить теперь что именно принадлежитъ кому въ первоначальномъ «Чернокнижниковѣ».

Таковы были обстоятельства, среди которыхъ породился «Чернокнижниковъ», появленіе котораго не лишено, какъ видятъ читатели, нѣкоторой связи съ событіями довольно знаменательными, произведшими его какъ бы рикошетомъ. Читатели могутъ видѣть, какъ отзывался самъ Дружининъ о «Чернокнижниковѣ» и рассказывалъ подробности объ его сочиненіи и судьбѣ, около двухъ лѣтъ спустя, въ одномъ изъ «Писемъ Инороднаго Подпечника» (см. въ этомъ изданіи, Т. 6, стр. 581 — 583). Впрочемъ Дружининъ не бросилъ волигъ своей мысли и послѣ перенесъ ее въ другіе журналы и газеты, облекая ее въ форму писемъ, фельетоновъ и пр., или носящихъ имя Чернокнижника, или выводящихъ на сцену его фантастическихъ друзей. Но авторскіи успѣхъ въ этомъ дѣлѣ очевиденъ у Дружинина. Многія издѣйшія статьи его въ этомъ родѣ — просто прелестны. Такъ напримѣръ «Письмо обвинительнаго поэта Кошернауова о нѣкоторомъ странномъ юбилетѣ» («Вѣкъ», 1861, № 17) въ своемъ родѣ, просто, «chef-d'oeuvre» юмора, наблюдательности и остроумія.

Репутація Дружинина зиждется конечно на иныхъ прочныхъ основаніяхъ, а не на этихъ фельетонныхъ шуткахъ. Но и на нихъ лежитъ свѣтлая печать безпѣннаго божьяго дара: таланта и веселости, не покидавшей его даже тогда, когда терзалъ его тяжкій недугъ, предвѣстникъ безвременной смерти. А для насъ, друзей его,

образъ его представляется неполнымъ и недочерченнымъ, когда онъ является лишь въ видѣ патетическаго автора «Полянки Саксъ» или тонкаго и ученаго критика высокихъ произведеній гениа человѣческаго. Мы вѣстѣ съ этимъ живо помнимъ и неусчерпаемаго юмориста,

И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую

нашего добраго товарища, съ которымъ такъ рано расстались навсегда...

10 января 1866 г.

Тула.

Михаилъ Лонгиновъ.

А. В. ДРУЖИНИНЪ.

НЕКРОЛОГЪ.

19-го января 1864 года скончался Александръ Васильевичъ Дружининъ. Нижеподписавшійся имѣлъ счастье находиться въ близкихъ отношеніяхъ съ покойнымъ и надѣется со временемъ напечатать воспоминанія, въ которыхъ личность Александра Васильевича представится читателю болѣе или менѣе ярко и вѣрно, въ связи съ любопытными литературными явленіями, при которыхъ Дружининъ началъ свое поприще. Мы съ нимъ работали много и дружно для «Современника» въ началѣ его литературной дѣятельности въ 1848 и дальнѣйшихъ годахъ, до принятія имъ редакціи «Библіотеки для Чтенія».

Надо замѣтить, что начало и продолженіе дѣятельности Дружинина какъ разъ совпало съ тѣмъ временемъ, когда министромъ народнаго просвѣщенія (къ вѣдомству котораго тогда принадлежала литература) былъ князь А. И. Ширинскій-Шихматовъ, предсѣдателемъ цензуры переведенный изъ Казани графъ М. Н. Мушинъ-Пушкинъ, а вліятельнѣйшими цензорами А. И. Фрейгангъ и А. Л. Крыловъ, конечно памятные дѣятелямъ той эпохи. Но Дружининъ и тутъ нашолся. Онъ обладалъ между прочимъ удивительною силою воли и замѣчательнымъ характеромъ. Услыхавъ о затрудненіи къ появленію въ свѣтъ статьи только что оконченной, онъ тотчасъ же принимался писать другую. Если и эту постигала та же участь, онъ, не разгибая спины, начиналъ и окончаваъ третью. Кто поймилъ блескъ, живость, занимательность тогдашнихъ фельетоновъ Дружинина

нина, которые во всей журналистикѣ того времени одни только носили на себѣ печать жизни — тотъ согласится, что такой человекъ въ данное время въ редакціи журнала могъ бы ломаться сколько душѣ его угодно. Дружининъ былъ выше этого ломанья, о которомъ мы упоминаемъ, потому-что оно не чуждо многимъ достойнымъ дарованиямъ; нашъ портфель полонъ комическихъ фактовъ по этой части. Это былъ характеръ прямой и серьезный. Не смотря на видную мягкость свою и отвращеніе отъ крайностей, это былъ человекъ самый крайній тамъ, гдѣ того требовали обстоятельства. У него не было отношеній натянутыхъ или двусмысленныхъ. «*Это едрило*», говорилъ Дружининъ о человекѣ, который ему не нравился, и отворачивался отъ него, не справляясь, какъ это отразится на его житейскихъ дѣлахъ. За то онъ умѣлъ любить своихъ друзей, не охотно измѣнялъ о нихъ доброе мнѣніе и считалъ долгомъ вступаться за нихъ всякій разъ, какъ слышалъ сужденіе, казавшееся ему несправедливымъ или преувеличеннымъ. Эта благородная черта характера придавала какую-то величавую простоту и въ то же время значительность отношеніямъ Дружинина къ своимъ друзьямъ, — чувствовалась ихъ цѣна. Дружинина искренно любили и *уважали*.

Не касаемся здѣсь ни литературныхъ заслугъ Дружинина, ни той роли, которая принадлежитъ ему въ учрежденіи общества литературнаго фонда. Нѣтъ сомнѣнія, читатели сами знаютъ, что Дружининъ былъ литераторъ даровитый и честный, точно такъ же, какъ знаютъ и то, что Дружининъ — есть истинный *основатель общества литературнаго фонда*. Прибавлять нечего...

Дружиницу не было сорока лѣтъ. Онъ уже болѣе двухъ лѣтъ страдалъ разстройствомъ груди, и смерть его не была неожиданностью. Тѣмъ не менѣе грустно отозвалась она въ литературномъ кругу товарищей и сверстниковъ Дружинина. Чья очередь теперь, друзья мои?...

10-го февраля 1864 г.

Н. Некрасовъ.